Глава 1

От мертвых не спрятаться. На узком полуострове, на котором стоит Чарльстон, мы невольно окружены ими, плотно занявшими места на старых кладбищах за причудливыми железными оградами. Под нашими улицами. Под нашими домами и гаражами. Земля здесь в цене, и со временем живые и мертвые неизбежно начинают конкурировать за нее. Большинство жителей Священного города пребывают в блаженном неведении о своих бывших согражданах, которые ушли из жизни, чьи имена мы носим, в чьих домах живем и чье присутствие все еще ощущается. Другим, вроде меня, повезло меньше.

Это одна из причин, почему я всегда так чутко сплю. Еще до того, как я стала владелицей алчного, пылесосом высасывающего из меня деньги исторического дома на Трэдд-стрит, а затем — матерью близнецов, я всегда спала, полузакрыв глаза, ожидая, что мне на плечо ляжет чья-то холодная рука или у окна мелькнет чья-то тень. За эти годы я научилась не обращать на них внимания, притворяться, будто чувствую лишь сквозняк, вижу лишь игру света, когда утро прогоняет

ночь. Но у притворства есть одно «но». Оно не заставит их уйти.

Вот почему, когда пронзительный телефонный звонок вынудил меня полностью проснуться, я уже потянулась к тумбочке, чтобы ответить, и лишь потом вспомнила, что в нашей спальне домашнего телефона больше нет. Сев в постели, я уставилась на тумбочку, где лежал мой сотовый. Его экран осветился странным синим светом, а рингтон — не моя привычная аббовская «Мамма миа», а звонок давно отжившего свой век стационарного аппарата.

Торопливо нащупав телефон, пока он не разбудил других спящих, я провела большим пальцем по экрану и ответила:

— Алло?

В моем ухе, словно камешек, брошенный в глубокий колодец, эхом отозвался далекий глухой звук.

— Алло? — повторила я. — Бабушка, это ты?

Бабушка умерла давно, когда я была еще маленькой девочкой, но с тех пор она звонила мне не раз. Однако сейчас я знала: это не она. Когда звонила бабушка, у меня всегда возникало приятное чувство покоя и благополучия. Любви и защищенности, а не ощущение того, что по моей голове ползают невидимые насекомые. И где-то в этом глубоком темном пространстве на другом конце провода слышался скрежет, как будто кто-то вытаскивал гвозди и пытался что-то взломать, а потом прозвучала металлическая нота, почти не поддающаяся расшифровке, вибрировавшая в пустом воздухе.

Я отодвинула телефон от уха и нажала на иконку «Завершить разговор», заметив при этом местный код 843, хотя сам номер был незнакомым. Положив телефон обратно на тумбочку, я посмотрела на видеомонитор — на его экране, в детской дальше по коридору, мирно посапывали мои десятимесячные близнецы — и повернулась к Джеку. Меня встретили мокрый нос и большие глаза моего пса, Генерала Ли. Я унаследовала его вместе с домработницей и экономкой, миссис Хулихан.

Несмотря на мои возражения, что я, мол, не люблю собак, теперь я оказалась владелицей трех. Даже будучи далеко не в юном возрасте, Генерал Ли доказал свою мужественность, став отцом щенков, двое из которых в прошлом году были подарены нам на свадьбу. С появлением мужа, двух детей и падчерицы я больше не воспринимала свою жизнь как собственную и не раз бывала вынуждена ущипнуть себя, чтобы поверить в то, что это правда.

Вот почему телефонный звонок всполошил меня больше, чем следовало. Неумные мертвецы не напоминали о себе почти год. Это было блаженное время: я начала осваиваться в жизни как новоиспеченная жена и мать, не отвлекаясь на призраков, которые зачем-то нуждались во мне. Я даже начала надеяться, что мертвые обо мне забыли.

Генерал Ли улегся на подушку выше моей головы, не мешая мне видеть в мягком свете монитора лицо Джека. Я до сих пор отказывалась поверить, что он — мой муж. Что невыносимый, самоуверенный, чрезмерно обаятельный и неотразимый автор бестселле-

ров Джек Тренхольм — мой муж и отец моих детей. Он все еще был невыносим и самоуверен, особенно когда дело касалось меня, но это лишь добавляло ему привлекательности.

— Доброе утро, красавица, — невнятно пробормотал он сонным голосом. Он притянул меня к себе, и я растворилась в тепле его тела. Его губы нашли мою шею, и остальные части моей кожи как будто выстроились в очередь на его внимание. — Кто там звонил по телефону?

— Ммм? — ответила я, забыв, что означает слово «телефон».

— Телефон. Он звонил. Это было что-то важное?

— Ммм, — повторила я. Звук исходил из глубины моего горла. Я уже начала поворачиваться в объятиях мужа, мои руки скользнули по его груди, и телефонный звонок был давно забыт.

— Потому что я подумал, что это твой босс. Хочет узнать, не придешь ли ты сегодня на работу. До декретного отпуска ты по понедельникам всегда приходила на работу к семи.

Я тотчас широко открыла глаза. Джек как будто вылил мне на голову ушат ледяной воды. Я резко села в постели, за что удостоилась от Генерала Ли обиженного стопа, и снова взяла телефон. Пять минут восьмого. Я посмотрела на другой край комнаты, где я на тот случай, если ночью вырубится электричество и батарея моего телефона разрядится, установила три разных будильника, все, как один, старомодные, заводные.

Я так долго смотрела на них, что Джек вздохнул.

— Тебе следует держать под рукой очки. Я видел, что ты их носишь, причем довольно часто, так что это не станет для меня шоком. — Он сел, чтобы лучше разглядеть время. — Странно. Похоже, все будильники остановились в десять минут пятого.

Не обратив внимания на его слова, я вскочила с кровати. Это был мой первый день возвращения на работу после почти годичного декретного отпуска. Предполагалось, что он продлится только до тех пор, пока детям не исполнится три месяца, но наша неспособность найти няню, которая бы задержалась дольше двух недель, оказалась не только великой загадкой, но и великой проблемой.

Я побежала в ванную и включила душ, затем вернулась к шкафу, где накануне вечером выложила свой наряд — вместе с обувью и аксессуарами. Я скинула ночную рубашку — обтягивающую, шелковую, которую купил мне Джек и которая не походила на мои старые фланелевые ночнушки с высоким горлом, — аккуратно сложила ее на скамеечке у туалетного столика и заскочила в душ.

Пять минут спустя я чистила зубы, одновременно застегивая блузку, которая упорно не желала застегиваться, и юбку с такой же упрямой застежкой-молнией. Посмотрев на свое отражение в зеркале в полный рост, я была так потрясена увиденным, что не позволила своему пристальному взгляду задержаться надолго. Оставалось лишь надеяться, что все в офисе ослепли и не заметят мою расстегнутую блузку и юбку, похоже, мне придется найти и надеть что-то другое.

Аккуратно сполоснув зубную щетку и поставив ее в стакан — потребовалось всего две попытки, чтобы она встала идеально ровно, — я решительно направилась обратно к шкафу.

— Проклятые химчистки, — пробормотала я, примеряя наряд за нарядом. Я понятия не имела, в какую химчистку миссис Хулихан отвозит мою одежду, но это нужно немедленно прекратить, иначе мне придется вечно носить одежду для беременных. С эластичными швами и из эластичных тканей.

Когда я наконец вошла в спальню, на мне было платье-трапеция, которое мать купила примерно на пятом месяце моей беременности. То, что оно обтягивало мою грудь, а его красивый зеленый оттенок превратил цвет моих карих глаз в нечто экзотическое, например в цвет джунглей, было его единственным достоинством. Поджав пальцы ног, я ковыляла на пятидюймовых шпильках от «Маноло Бланик» и недоумевала, как мои туфли умудрились сжаться вместе с моей одеждой. Может, что-то мистическое поселилось в недавно отреставрированном шкафу, о чем могла знать лишь моя лучшая подруга, доктор Софи Уоллен-Араси, читающая курс о сохранении исторического наследия в Чарльстонском колледже. Именно она руководила его исторически аутентичным воссозданием, а также нескончаемым количеством реконструкций и проектов по сохранению исторического наследия в моем доме на Трэдд-стрит.

Например, недавняя замена крыши, из-за которой я все еще мечтала нанять бульдозер и покончить со всем этим раз и навсегда. Мне никогда не нравились

старые дома, в основном из-за беспокойных мертвецов, которые отказывались их покидать. Теперь же, когда у меня появился свой дом, я неохотно признавала, что иногда испытываю к нему нежные чувства. Я частенько ловила себя на том, что разрывалась между желанием обнять редкую каминную полку работы Адамса и случайно бросить в окно нижнего этажа пылающий факел.

Я остановилась у кровати, где Генерал Ли теперь ластился к Джеку. Джек открыл глаза, прекрасные голубые глаза, которые унаследовали оба наших близнеца так же, как и его черные волосы и ямочки на щеках, — очевидно, я послужила лишь инкубатором, — и мои колени превратились в желе. Интересно, как долго все это будет продолжаться в браке?

Я взяла телефон и проверила время — восемь часов. На мониторе было видно, как Сара завертелась в своей розовой кроватке с балдахинном. Минута в минуту. Моя дочь показывала время даже надежнее, чем колокола церкви Святого Михаила, особенно когда дело касалось ее графика кормления. Ее брат, Джей-Джей — Джек-младший — продолжал мирно спать в своей кроватке, лежа на спине и раскинув все четыре конечности. Ни дать ни взять маленькая морская звезда. В какой бы позе он ни засыпал, в конечном итоге он всегда принимал именно эту. Совсем как его отец.

— Я вижу, — сказал Джек и потянулся, чтобы поцеловать меня. Его губы коснулись моих, и я пожалела о своем решении встать с постели.

— Я знаю. Просто... я была с ними с тех пор, как они родились.

— Я тоже. Тебе не о чем беспокоиться.

Я закусила губу.

— У меня есть их графики, в детской и в кухне. Не забудь зафиксировать все их испражнения, включая консистенцию, цвет и запах, а также то, что они ели и в каком количестве. Я разложила в детской одежду для них, включая запасную на случай, если что-то испачкается. Если им понадобится третья смена одежды, их вешалки имеют цветовую маркировку, поэтому сочетать штанишки и кофточки будет очень легко.

Джек пристально посмотрел на меня.

— Дорогая, пойми правильно, но не кажется ли тебе, что няни не задерживаются у нас потому, что все... чересчур жестко регулируется?

Я выпрямилась.

— Конечно, нет. Детям только на пользу, когда все делается по расписанию и они растут в организованной среде. И моя вина в том, что, похоже, я знаю о воспитании детей больше, чем некоторые из этих так называемых нянь. Мы попробуем новое агентство с более строгими требованиями. Мне просто нужно поспрашивать, потому что я уже использовала все варианты, которые нам порекомендовали.

— Боюсь, тебе придется обратиться в другой штат. — Уголок его губ приподнялся, и на мгновение мне показалось, что он шутит.

— Хорошая идея. Сделаю несколько звонков сегодня днем.

Сара всерьез раскапризничалась, а вот Джей-Джей даже не шелохнулся. Джек уже встал с постели и босиком направился к двери.

— Знаю, это сложно, но тебе, наверное, не стоит заходить к ним... это может расстроить тебя больше, чем их. Ты увидишь их, когда вернешься домой, а в обеденный перерыв мы поговорим с тобой по скайпу. Все будет в порядке. Я работаю над исправлениями, которые мой редактор хотел бы видеть в моей книге, так что легко могу вносить правку, наблюдая за двумя маленькими детьми. Не думаю, что это будет так сложно.

Настала моя очередь в упор посмотреть на него.

— Моя мать просила позвонить ей, если тебе что-нибудь понадобится. Я тоже на расстоянии телефонного звонка. Софи готова помочь, если у тебя возникнут проблемы, но, если честно, я бы использовала ее как последнее средство. В прошлый раз, когда я ей звонила, она упомянула про детский массаж под пение китов.

Я непроизвольно передернулась.

Джек вернулся и поцеловал меня долгим, глубоким поцелуем, после которого мне даже не пришлось в голову поправить помаду.

— Мы будем в порядке. Теперь иди.

Его твердая рука направила меня к лестнице, а сам он, легонько шлепнув меня по мягкому месту, зашагал в детскую.

— А я приготовлю для тебя сюрприз, когда ты вернешься домой.

Его глаза определенно обещали это, и мне потребовался весь запас выдержки, чтобы продолжить спуск по